

12+

Николай Рыженков

Художница XVIII века

Династия

Морель



Николай Рыженков

**Художница XVIII века.
Династия Морель**

«Издательские решения»

Рыженков Н. А.

Художница XVIII века. Династия Морель / Н. А. Рыженков —
«Издательские решения»,

История о художнице, которая стала известной на весь мир, благодаря своему таланту в художественном мастерстве по написанию картин.

Содержание

Вступление	6
Долгожданное счастье	11
Эдинбург	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Художница XVIII века Династия Морель

Николай Андреевич Рыженков

© Николай Андреевич Рыженков, 2026

ISBN 978-5-0070-4050-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В свои сорок пять Джек Фокс, обозреватель одной из газет, узнал об Анне Морель, одной из самых ярких художниц туманной Англии восемнадцатого века. Решение созрело мгновенно: он должен написать о ней статью! Но судьба распорядилась иначе: статья так и не увидела свет, оборвавшись на безжалостном приступе острой сердечной недостаточности Джека.

Его брат, Чарли Браун, brutальный мужчина с темными кудрями волос и густой бородой, обрамляющими его лицо. На нем была надета дорогая белая рубашка с длинными рукавами и оливковые брюки, слегка помятые, как будто он только что вернулся из долгого путешествия. На левом запястье — строгие черные часы с темным циферблатом, намекающие на пунктуальность, скрывающуюся за внешней непринужденностью. В левой руке он небрежно держал черный пиджак, перекинутый через правую руку. Он, специалист газетного дела, журналист, стоявший у дверей редакции, и лучший друг Фокса, с трудом верил в случившееся. Джек всегда был такой энергичный и неугомонный, внезапно ушел, оставив после себя лишь недописанную статью и зияющую пустоту в его сердце.

Зная, с каким неистовым желанием его друг собирал материал о художнице, Чарли поклялся довести незаконченное дело товарища до конца. Он перечитал все наброски Джека, исписанные его размашистым почерком, вникая в каждое слово, в каждую фразу об Анне Морель. Она действительно была загадкой, эта Анна. Ее картины, словно сотканые из тумана и света, завораживали и пугали одновременно. Ее выставки всегда собирали толпу, но сама художница ушла из жизни из-за страшной болезни.

И еще Чарли с удивлением узнал из записок друга, что в настоящее время в Англии живет и творит ее

полная тезка Анна Морель, волею судьбы ее родственница в далеком поколении, ставшая тоже художницей. Завершить дело Джека для Чарли было не просто профессиональным долгом. Это была дань памяти брату. Он решил начать с того момента, когда оборвалась жизнь Джека. С интервью Анны Морель XXI века. Он выяснил, что в Париже в скором времени откроется

выставка, на которой будут представлены ее работы. Найдя адрес галереи и купив билет на самолет, Чарли незамедлительно отправился в столицу Франции навстречу неизвестности, в мир туманной живописи, где правда и вымысел переплетались в причудливый узор.

Дверь галереи, расположенной в доме в тихом переулке

Антуана Карема, открыла хрупкая женщина с красивыми зелеными глазами. В ее облике было что-то неземное, словно сошедшее с одного из холстов Анны. Чарли представился и объяснил цель своего визита:

— Bonjour, мадам. Меня зовут Чарли Браун.

Мой брат Джек Фокс, журналист одной из газет, писал газетную статью про художницу Анну Морель, но довести свою работу до конца так и не успел. Теперь я взял эту работу на себя. Вы не могли бы мне про нее рассказать более подробно?

Он увидел, как в глазах женщины вспыхнул яркий огонек радости.

— Bonjour, месье. Да, конечно. Я знаю Анну довольно долго.

Каждые три месяца ее работы выставляются у нас на вернисажах.

— А вы знаете, как ее отыскать?

— Да, конечно. Она проживает вот по этому адресу.

Женщина протянула ему листок бумаги.

Чарли развернул лист с адресом: <<Англия, город Лондон, Роуз-Стрит, 22>>.

— Позвольте узнать об Анне более подробно?

— С большим удовольствием.

Она рассказала ему о дружбе с Анной, о ее живописи — трепетной, глубокой — и о горячем желании Анны открыть миру этот скрытый талант.

— Благодарю, мадам. Вы мне очень помогли.

— Была рада помочь, месье. Я сообщу ей о Вашем скором визите.

Для Чарли, эта женщина оказалась ключом к адресу, где живет сама Анна Морель.

Чарли понял, что статья Джека была не просто журналистским материалом, а признанием в любви к искусству, красоте жизни, которая, увы, оказалась такой недолгой.

Лондон, Роуз-Стрит, 22. Он перечитывал этот адрес, стоя в парижском аэропорту Шарль-де-Голль.

Утром следующего дня он стоял перед калиткой номер 22 на Роуз-Стрит. Перед ним была красивая усадьба с большими колоннами, садом, отделенная от улицы кованой металлической оградой с замысловатыми узорами, воротами и небольшой калиткой сбоку от них. Чуть в глубине стоял бирюзовый двухэтажный дом с просторной террасой и балконом, словно сошедший с картины.

С глубокой надеждой на успех Чарли нажал кнопку звонка.

Калитку открыл высокий мужчина, одетый в строгую белую рубашку и черный сюртук:

— Добрый день! Меня зовут Чарли Браун, я журналист одной из лондонских редакций, приехал взять интервью у мисс Анны Морель.

— Добрый день, сударь! Вас уже ожидают.

Перешагнув порог калитки, Чарли увидел, что усадьба перед его глазами оказалась еще прекраснее и вызвала неподдельный восторг. От этого перехватило дыхание.

Пройдя на территорию усадьбы, он опешил от красоты. Как только он подошел к дому, открылись двери, и на террасу выехала в инвалидном кресле пожилая женщина с добрым лицом.

Глаза Чарли расширились от удивления. Анна Морель?! Эта седовласая дама?! Это совсем не вязалось с образом загадочной художницы, чьи картины так пленили его в Париже.

— Добрый день, молодой человек, — прозвучал тихий, но твердый голос. — Катрин предупредила меня о вашем визите.

Мои глубочайшие соболезнования в связи с утратой Вашего брата.

Постараюсь ответить на все, что Вас интересует.

Томас, Грейс, будьте добры, приготовьте для мистера Чарли отдельную спальню, растопите камин и приготовьте горячий чай.

— Сию минуту, мадам.

— Чарли, проходите, пожалуйста, в зал и устраивайтесь, где вам будет удобно.

Он вошел в просторный зал, где в глубине стоял массивный камин из камня с тонкой резьбой. Над камином в золоченой раме, висел портрет — Анны Морель 18 века, в изящном платье и изысканной шляпе, она смотрела вдаль с легкой улыбкой.

Чарли, все еще немного ошеломленный, опустился в мягкое кресло с бархатной обивкой у самого камина. Анна устроилась напротив, подъехав на своем инвалидном кресле.

— Вам, наверное, многое покажется странным, но уверяю Вас, все скоро встанет на свои места.

Чарли устроился поудобнее в том самом кресле. Воздух из окон был наполнен ароматом роз, растущих в саду перед террасой. Анна наблюдала за Чарли с легкой улыбкой.

— Вы прилетели из Парижа, Ваши поиски привели Вас ко мне, я этому очень рада. Вы, наверное, устали от долгого поиска?

Она замолчала, словно собираясь с мыслями.

— Анна, разрешите взять у вас интервью об Анне Морель — той самой художнице, о которой сейчас столько говорят.

— Конечно, расскажу все по порядку. Но для начала у меня есть история о любви, предательстве и о цене, которую приходится платить за гениальность. История, в которой, возможно, Вам отведена важная роль.

В ее глазах мелькнули отблески слез, и Чарли почувствовал, что его ждет что-то необычное. На небе крутились густые, тяжелые тучи, и с них хлестал плотный, непрерывный ливень. Анна начала свой рассказ, и Чарли с замиранием сердца слушал, погружаясь в прошлое, где правда и вымысел переплелись в запутанный клубок.

Анна сделала паузу, глубоко вздохнула и продолжила свой рассказ. Ее голос, несмотря на возраст, звучал мелодично и завораживающе. Она поведала историю о себе, молодой художнице, жившей в Париже в начале двадцать первого века, о ее страстной любви к талантливому скульптору и об их общем стремлении к искусству.

Рассказала о том, как их идиллию разрушили зависть и предательство со стороны близкого друга, который из-за ревности оклеветал скульптора и разрушил его карьеру.

Беды не ходят поодиночке. Вскоре после этого художница попала в автомобильную катастрофу, в результате которой потеряла возможность ходить.

Брошенная возлюбленным, лишенная возможности творить, она была абсолютно раздавлена. Сбежав от боли и воспоминаний, она переехала в Лондон и укрылась в этой усадьбе, которая досталась ей по наследству и которую основала та самая Анна Морель.

Чарли слушал, затаив дыхание. Он почувствовал, как в его груди зарождается сочувствие к этой женщине, чья жизнь была полна трагизма. Он начал понимать, почему картины Анны Морель были столь пронзительными и полными тоски. В каждой линии, в каждом мазке кисти чувствовалась боль утраты и надежда на искупление.

— А теперь, молодой человек, — голос Анны вернул его в реальность, — пришло время узнать, почему именно Вы оказались здесь.

Дело в том, что тот самый друг, который разрушил нашу жизнь, похитил у нас самое ценное — незаконченную скульптуру моего возлюбленного. В ней была запечатлена наша любовь, в ней была частичка нашей души. Я всю жизнь искала ее и недавно узнала, что она находится в Париже, в частной коллекции.

Анна взглянула на Чарли с надеждой в глазах.

— Я стара, и у меня нет возможности самой отправиться в Париж. Но Вы... Вы видели эту скульптуру, Вы чувствовали ее энергию на выставке. Я верю, что именно Вы сможете найти ее и вернуть мне... вернуть нашу любовь.

— Анна, Вы не могли бы мне рассказать про ту Анну Морель, что писала картины в 1796 году? Благодаря которой Вы также стали известной художницей?

— Ах, Анна Морель... Вы имеете в виду тот самый метеор, ту самую искру, что промелькнула на небосклоне английской живописи в конце семнадцатого века? Да, безусловно, без ее влияния мое творчество, да и сама я, были бы совсем другими.

Она была не просто художницей своего времени, она предвосхитила его, чувствовала то, что у других оставалось за гранью понимания.

К сожалению, о жизни Анны Морель известно немного. Ходили слухи о ее богатой семье, о таинственных путешествиях, о трогательной любви, но достоверных фактов крайне мало.

Гораздо больше можно сказать о ее искусстве. В работах Анны чувствуется какая-то необыкновенная, почти мистическая связь с природой. Она выбирала непривычные ракурсы, ловила ускользающие моменты света и передавала их с удивительной точностью и чувством. В ее пейзажах есть что-то необъяснимо притягательное, какая-то внутренняя энергия, которая заставляет зрителя замереть и задуматься. Она просто писала природу, она разговаривала с ней на языке красок.

Именно ее смелость, ее новаторский взгляд на мир побудили меня саму взяться за кисть. Я была очарована ее работами, они вдохновляли меня на эксперименты, на поиск собственного стиля. Я изучала ее технику, глубины и выразительности. Без сомнений, она стала моим главным учителем, моим вдохновителем, моей путеводной звездой в мире искусства.

Некоторые критики утверждают, что работы

Анны Морель слишком мрачны, слишком пессимистичны. Но я с этим категорически не согласна. В ее живописи есть не только печаль, но и надежда, не только отчаяние, но и вера в красоту мира, пусть и хрупкую, уязвимую. Она видела мир во всей его сложности, со всеми его. Возможно, эта честность и делает ее искусство таким пронзительным, трогающим душу.

— А как Вы решились взяться за кисть?

— Я помню, как впервые увидела картину Анны в одной из галерей. Это было время моего детства, на тот момент мне исполнилось всего семь лет. Это был мой первый поход в ту самую галерею, куда меня сводила моя мама. На стене висел небольшой пейзаж, изображающий закат над рекой. Казалось бы, обычный сюжет, но как же он был написан!

Невероятное сочетание цветов, игра света и тени, какая-то особая атмосфера покоя и умиротворения.

Я стояла перед этой картиной, как замороженная, и не могла отвести глаз. В этот момент я поняла, что хочу научиться так же чувствовать и передавать красоту мира. Конечно, я никогда не копировала ее стиль, не пыталась подражать ей. Я стремилась создать что-то свое, что-то уникальное. Но ее участие всегда ощущалось в моих работах, как невидимая, связующая меня нить с прошлым, с традицией великого английского импрессионизма.

Как будто тихий шепот Анны направлял каждое движение моей кисти... направлял каждое движение кисти, подсказывая, как вдохнуть жизнь в полотно. Она обладала поразительным, почти мистическим чувством цвета, композиции, даже текстуры. Словно предвидела, где именно нужно коснуться холста, какую тень добавить, чтобы картина зазвучала.

Помню, как билась над портретом матери. Лицо никак не выходило — плоское, безжизненное. Отчаяние подступало, хотелось все бросить.

Но вдруг, как-то совсем тихо, в ответ на мое бессилие, успокаивая меня, в голове внезапно появилась подсказка, совет... <<Чуть охры под глазами, и каплю синего в тень под носом>>. Я повиновалась, почти не веря в успех. И случилось чудо! Взгляд ожил, в лице появилась глубина, отразилась усталость — та самая, которую я так стремилась передать.

Годы практики научили чувствовать холст и специфику смешивания и наложения красок на него, но подсказки Анны, а это были именно ее подсказки, а не мой внутренний голос, принятый мной по началу за интуицию, становились все четче, конкретнее, техничнее... Она говорила о приемах старых мастеров, о свойствах красок, о тонкостях смешивания пигментов, чтобы добиться нужного оттенка, откуда мне было знать о таких тонкостях, таких нюансах! Я принимала это как должное, возможно, это был мой способ защиты от безумия. В жизни и так хватало странностей. Важнее было то, что советы Анны работали. Благодаря ей мои картины обретали выразительность, глубину, силу.

Иногда мне казалось, что она стоит за спиной, смотрит через мое плечо на холст и тихо шепчет свои наставления. Это был странный, безумный, но удивительно плодотворный союз. Я — с кистью в руке, и Анна — мой невидимый ментор, вместе создающие нечто прекрасное. И знаете что? Меня это устраивало. Намного больше, чем Вы можете себе представить.

Она научила меня не бояться экспериментировать, искать новые формы и выражения, быть верной себе и своему видению мира. И знаете, что самое удивительное? Чем больше я узнавала о ее жизни и творчестве, тем больше понимала, что мы с ней очень похожи. Она мой предок по маминой линии.

Мы обе стремились выразить свои чувства и мысли в живописи, чтобы поделиться ими с миром.

И хотя нас разделяет время и пространство, я чувствую, что мы связаны какой-то невидимой, но очень прочной нитью. Нитью двух художниц, живущих и творящих во имя красоты.

— Анна, не могли бы Вы рассказать про ее жизнь? Как она жила? Может быть, какие-то увлекательные случаи из ее биографии, которые, возможно, еще пока неизвестны и будут не только интересны, но важны и любопытны ценителям ее творчества?

— О да, в детстве родители наших родителей и так далее всегда рассказывали эту историю своим детям, и моя мама рассказывала ее мне, когда я была маленькой.

Устраивайтесь поудобнее в кресле, налейте себе дымящегося чаю. Самое время забыть о будничной гонке и закутаться в тепло и уют домашнего очага. История предстоит долгая и поверьте, очень интересная.

Долгожданное счастье

Глава первая

Эдинбург

В этом городе, где в 1796 году соседствовали скромные дворяне и титулованные особы, жила Джессика Морель, чье имя было известно каждому благодаря ее искусным рукам, создающим дивные платья на продажу. Ее дочь Анна, плененная музой живописи, грезилась о любви, что озарит всю ее жизнь. Завершив работу над полотном, она выставляла свои творения на обозрение, а верная подруга детства Джейн помогала ей в этом. Скучные доходы от продажи картин были единственным источником существования семьи.

Однажды, когда ночная мгла окутала город, Анна, не в силах уснуть, решила вновь обратиться к своим краскам. Всю ночь она трудилась над образом девушки в белоснежном платье, прогуливающейся по парку, утопающему в калейдоскопе цветов.

Джессика, словно тень, приблизилась в комнате дочери и замерла, любуясь ее вдохновенным трудом.

Внезапно сквозь тишину донесся тихий плач. Джессика, встревоженная горем дочери, шагнула в комнату дочери:

— Доченька, что случилось? Почему ты плачешь?

— Матушка, когда я писала эту картину, я представила себя на месте этой очаровательной девушки... Но, очнувшись, поняла, что это не я...

— Не печалься, милая, твоя любовь непременно найдет тебя.

Анна призналась, что жаждет обрести свое счастье. На следующее утро Джессика, как обычно, отправилась продавать свои изделия и картины дочери. Вдруг к ней подошел статный незнакомец, его взгляд остановился на картинах. После недолгого молчания мужчина произнес:

— Сударыня, не соблаговолите ли продать мне эту картину? — указав на одну из работ ее дочери.

Продав картину Анны и получив гонорар, Джессика словно выкупила часть ее души, вложенную

в холст. Переступив порог своего дома, женщина произнесла, стараясь скрыть дрожь в голосе:

— Анна, милая, твою картину купили!

Но радость эта обернулась горечью. Спустя несколько месяцев Джессику сразила странная, неведомая болезнь, и жизнь ее угасла, словно догорающая свеча.

Анна собрала всех, кто знал Джессику, всех, кому она была дорога. Похоронив мать, Анна осталась одна на один со своим горем и холстами, ставшими единственным источником существования. После смерти матери мир для Анны словно померк.

Прошло пять лет. Анна, все еще тоскующая по матери, продолжала писать картины, но краски потеряли свою яркость, а сюжеты — искру жизни. Джейн, верная подруга, неизменно поддерживала ее, помогала продавать картины и пыталась рассеять пелену печали, окутавшую Анну.

Однажды, вернувшись домой уставшей, включив в спальне свет, Анна взяла в руки стоявшую на журнальном столике фотографию матери, запечатлевшую ее улыбку и, глядя в родное лицо на снимке, прошептала:

— Мамочка, как же мне тебя не хватает!

Жизнь моя словно оборвалась с твоим уходом. Так тяжело жить в этом холодном одиночестве. У меня больше никого нет.

С трудом скопив немного денег, продав дом, Анна купила небольшую усадьбу на окраине Лондона. Собрала свои вещи, бережно прижала к груди фотографию матери. Придя к Джейн, сказала тихо, но твердо:

— Джейн, я уезжаю. Начну жизнь заново.

Та видела боль, разъедающую ее подругу изнутри, ту боль, что оставила смерть матери.

Анна протянула Джейн листок с новым адресом. Обняв подругу на прощанье, прошептала:

— Спасибо тебе за все. Приезжай, я буду ждать.

Анна села в карету, и колеса повезли ее навстречу неизвестности. Дорога занимала целые сутки. Когда карета остановилась, Анна увидела дом, словно застывший в ожидании своей новой хозяйки. Кучер открыл дверцу кареты и произнес:

— Сударыня, прибыли.

Анна вышла из кареты, расплатилась и, поблагодарив переступила порог кованой калитки. Взгляд девушки сразу же охватил вид на дом, который выглядел так, словно его забросили давным-давно, все вокруг заросло. Дикий виноград, словно зеленый зверь, обвил колонны веранды, пытаясь спрятать здание от чужих глаз. Сад, когда-то ухоженный, превратился в непроходимые джунгли. Высокая трава почти полностью скрыла тропинку к двери, и только сквозь плотную стену сирени угадывались мутные от пыли окна.

Анна замерла, не решаясь подойти ближе. Сердце вдруг заколотилось чаще, хотя страха вроде бы и не было. Просто место казалось... пустым. Не в смысле, что здесь никто не живет, а каким-то лишенным жизненной силы, тепла, которая обычно чувствуется в домах, где есть люди. Анна ощущала, как от старого дома веет забытой историей, тоской и одиночеством.

Поколебавшись, она все-таки шагнула вперед. Любопытство взяло верх. Осторожно ступая на утопающую в траве тропинку, стараясь не зацепиться за колючие кусты, она шла вперед. Каждый шаг отдавался тихим хрустом сухих веток под ногами, нарушая звенящую тишину вокруг.

Подойдя к веранде, Анна заметила, что одна из досок прогнила и провалилась. Старая краска на стенах облупилась, обнажая серую от времени древесину. Дверь была заперта, а за пыльными окнами ничего не разобрать. Она прижала ладонь к стеклу, пытаясь что-то увидеть, но четко

Непонятное чувство не покидало ее. Ей казалось что кто-то наблюдает за ней позади. Она резко обернулась но увидела только колышущиеся на ветру ветви деревьев и высокие заросли травы. Решив, что ей почудилось, Анна еще раз взглянула на дом, полная вопросов и смутного предчувствия. Что скрывает этот заброшенный дом? Какая история связанная с эти старыми стенами? И почему ей так не хочется уходить?

Казалось, пыль веков села на все: на старой мебели, потеревшись зеркалах, забытых фотографий. Но теперь, когда она здесь каждый предмет казалось, ждал прикосновений, ждал освобождения от плена прошлого. С каждым взмахом тряпки, с каждым пятном дом будто отзывался тихим стоном облегчения, словно старый пес, которого наконец-то вычесали после долгой зимы.

Она начинала с малого: выносила мусор, перебирала вещи, протирала полы. Работа была кропотливой и изнурительной, но в каждом движении чувствовалась какая-то цель, какая-то надежда. Она не просто убирала, она вдохнула новую жизнь в это заброшенное место, создавая уют, атмосферу тепла и света. Она представляла себя археологом, а этот дом — древней гробницы, полной забытых сокровищ, которые ей предстояло отыскать и очистить.

Иногда она находила что-то интересное: старую открытку страгательным посланиям, сломанный

компас, пожелтевший от времени рисунок. Каждая находка становилась маленьким кирпичиком в фундаменте нового образа этого дома, и его нового будущего. Она чувствовала, как прошлое начинает переплетаться с настоящим, и как рождается что-то совершенно новое — светлое и чистое.

Вечером, уставшая, но довольная, она садилась у окна и смотрела, как солнце медленно опускается за горизонт. Дом, окутанный мягким светом заката, казался совсем другим — более живым, теплым, родным. Анна знала, что впереди еще много работы, но теперь она не боялась. Она знала, что у нее хватит сил, чтобы создать здесь свой собственный мир, мир, наполненный любовью, счастья и надежды.

Войдя в спальню, девушка распахнула дверь на балкон, откуда открывался дивный вид на пруд, где неспешно скользили утки, словно белые кораблики. Рядом с прудом тянулась аллея, утопающая в цветах, — излюбленное место прогулок горожан.

Следующим утром Анна выставила свои работы на продажу. Холодный осенний ветер играл на скоро прикрепленными ценниками, но в ее душе бушевало иная стихия. Отчаяние и надежда сплелись в тугой узел, а тихая решимость давала выстоять.

Первые покупатели появились ближе к полудню. Туристы, привлеченные яркими красками картин и обещаньем увезти с собой частичку местной красоты.

Они торговались, сомневались, но все же покупали, и каждый проданный холст отзывался теплом в сердце Анны.

К вечеру большая часть работ была раскуплена. Денег, конечно, не хватало, чтобы покрыть все долги, но это был важный шаг. Усталая, но с чувством выполненного долга, Анна собрала оставшиеся картины и отправилась домой, погруженная в раздумья о будущем.

В голове рождались новые образы, жаждущие воплощения на холсте.

На следующее утро, когда Анна выставила свои работы на городской площади, к ней приблизился высокий мужчина в безупречно белом ансамбле: строгая рубашка, двубортный сюртук, жилет и брюки — все ослепительно белого оттенка. Обувь горела зеркальным блеском. Широкополая белая шляпа оттеняла его темные, волнистые волосы, аккуратно спадавшие на плечи. В правой руке он небрежно придерживал черную трость с набалдашником из золота в виде головы тигра. Его взгляд внимательно скользил по картинам, пока не остановился на той самой — с девушкой в белом платье, которую она писала в своей спальне, еще когда была жива Джессика Морель.

— Прошу прощения, сударыня, позвольте узнать, кто автор этого произведения?

Анна робко призналась, что это ее работа.

Мужчина произнес:

— Позвольте представиться: маркиз Рональд Андерсон. Сын герцога Уильяма Андерсона.

После чего выразил искреннее восхищение ее таланту.

после чего произнес:

— Позвольте узнать Ваше имя?

— Анна Морель — произнесла Анна.

— Анна, Ваша картина затронула самые глубокие струны моей души.

Разрешите пригласить Вас завтра на прогулку по вечернему парку?

— Очень рада, что картина Вам понравилась!

Под влиянием юной неопытности в общении с мужчинами и под влиянием мечты о свадьбе, она ответила:

— Думаю, я не буду против.

— Искренне благодарен за Ваше согласие. И чтобы начать знакомство, позвольте мне купить Вашу картину — она будет напоминать о Вас.

Буду ждать Вас завтра, на этом же месте в шесть вечера.

— Обязательно буду.

— В таком случае до завтра.

Сняв шляпу и поклонившись, он произнес:

— До завтра Анна.

Легкое волнение щекотало ее живот. Не то чтобы она никогда не прогуливалась вечером с мужчиной, а от того что сегодня все казалось особенным.

Вечером следующего дня, Анна надела свое любимое вишневое платье с открытой спиной и легкие туфли дарящие свободу ее ногам.

Ей хотелось быть самой собой, дышать легко и непринужденно. Вечером манил обещанием тепла, предвкушением золотистых лучей заходящего солнца, пробивающихся сквозь изумрудную листву.

Встретившись с Рональдом у парковых ворот, Рональд преподнес ей букет полевых цветов, еще хранящих дыхание лугов. Анна одарила его улыбкой, и тепло волной разлилось по ее сердцу.

Этот нежный жест тронул ее до глубины души.

Пара неспешно прогуливалась по аллее, погруженные в оживленную беседу. Слова струились легко и свободно, словно изливались самые сокровенные мысли. Анна ощутила удивительную связь, с Рональдом, словно знала его целую вечность. Его присутствие она чувствовала всегда умиротворенно и беззаботно, словно этот вечер соткан из волшебства.

Рональд оказался чутким и внимательным слушателем, Анна с упоением рассказывала ему о своих увлечениях и мечтах. Он задавал ей вопросы, полные искреннего интереса, стремясь постичь глубину ее души. В его глазах она читала неподдельное восхищение.

Пара опустилась на скамейку у пруда, солнце почти скрылось за горизонтом, раскрасив небосвод в нежные акварельные оттенки розового и оранжевого.

Рональд осторожно взял ее руку в свою, и сердце Анны забилось учащенно, словно пойманная в клетку птица.

В тишине парка звучали лишь мерный стрекот цикад и плеск воды, ласкающие берег. Девушка ощутила тонкую нить невысказанного притяжения, возникшую между ними.

Заглянув в его глаза, она увидела в них тоже самое трепетное волнение.

В завершении прогулки Рональд произнес:

— Анна, Вы очаровали меня с первого взгляда. Позвольте мне пригласить Вас завтра на верховую прогулку?

— Хорошо, я подумаю над вашим предложением.

— Я пришлю за Вами карету. Она будет ждать Вас на том же месте, где состоялась наша встреча. — он завел левую руку за спину, а правой рукой нежно коснулся руки Анны и поцеловал ее.

Анна грациозно села в карету, и кучер, щелкнув кнутом, направил ее в сторону усадьбы.

Тем временем Джейн, узнав адрес подруги, решила навестить ее и разделить с ней радость новоселья.

Она отправила подруге письмо с известием о своем скором визите.

Анна сидела на балконе, запечатлев на холсте пленительный вид прудов, где только вчера зарождалось нечто особенное. Внезапно ее слуха коснулся стук в дверь.

Подойдя, она распахнула ее и увидела посыльного, державшего в руках тубус, запечатанный мобильной восковой печатью.

— Сударыня, Вам письмо.

— Благодарю Вас, сударь, — ответила она и одарила его щедрыми чаевыми.

Она раскрыла тубус, вынула сложенный лист и пробежала глазами по строчкам. Узнав о скором приезде подруги, Анна принялась хлопотать, готовясь к ее визиту.

На следующий день Анна облачилась в свое любимое платье цвета рубина, словно сотканное из лучей заходящего в солнце, и направилась на место вчерашней встречи с Рональдом.

Придя туда, она увидела ожидающую ее карету. Кучер учтиво помог Анне занять место, и они отправились напрямик в поместье Рональда. Приехав, Анна изящно вышла из кареты и поприветствовала Рональда грациозным реверансом.

Рональд ответил поклоном, правую руку протянув к Анне, взял ее ладонь в свою, нежно поцеловал и произнес:

— Анна, Вы сегодня неотразимы.

— Благодарю Вас за комплимент.

Конюх подвел к молодой паре двух вороных скакунов породы Хакне. С лоснящейся гривой и огнем в глазах, словно сошедших со страниц старинных романов.

Анна и Рональд забрались на статных жеребцов и копыта зацокали по парковым дорожкам. В танце слов и взглядов зарождалось их знакомство. Рональд нарушил тишину:

— Анна, поведайте мне о себе.

— Я пишу картины, — ответила она, —ставляю их на суд зрителям, а когда музыка зовет, танцую. Теперь ваша очередь, Рональд, рассказать о себе.

— Моя страсть — лошади, их разведение. Дело всей моей семьи.

А в тишине вечеров нахожу утешение в шахматах и книгах, — признался он.

Прогулка продолжалась, наполняя их сердца взаимной симпатией и восхищением окружающей красоты.

Время бежало незаметно, словно река, унося с собой остатки дня. Солнце медленно погружалось за горизонт, окрашивая небо в багряные тона.

— Анна, позвольте мне пригласить Вас на ужин? — предложил Рональд. Она с радостью приняла его приглашение.

В поместье их ждал зал, словно сошедший со страниц романа:

мерцание свечей, хрусталь бокалов, игристое вино и изысканные блюда. Взгляд Анны зацепился за картины, что висели на стенах гостиной.

— Рональд, откуда у вас эти картины?

— Мой отец приобрел их у одной талантливой художницы, когда он ездил в Эдинбург. Меня особенно тронула картина с видом на море...

После ужина Рональд предложил Анне выйти на балкон. Заинтригованная, она согласилась.

— Прошу Вас закрыть глаза, — попросил он, прежде чем вывести ее на свежий воздух.

Анна послушно закрыла глаза, Рональд нежно обнял ее за талию и вывел на балкон.

— Открывайте, — прошептал он ей на ухо.

Открыв глаза, перед открылся захватывающий вид: бескрайнее зеленое поле, на котором паслись грациозные жеребцы, и небо, пылающее красками заката.

— Рональд, благодарю вас. Вы удивительный человек, — произнесла она, не в силах отвести взгляд от этой красоты.

— Я бы провела с вами еще много времени, но мне пара.

— Надеюсь, мы еще увидимся? — спросил он с надеждой в голосе.

— Думаю, да.

— Разрешите мне проводить Вас?

Анна улыбнулась:

— Только до кареты.

— Слушаюсь, сударыня. Я так рад нашей встречи.

— Я тоже была рада, Рональд. До скорой встречи.

Вернувшись домой, Анна скинула с себя свое платье цвета рубина, в ярко вишневом оттенке и погрузилась в сон.

В полумраке грез она вновь переживала мгновения, проведенные с Рональдом.

Утро девушка встретила с легким сердцем.

В памяти всплывали детали вчерашнего дня: мерцание свечей, вкус вина, шепот Рональда на балконе. Она чувствовала себя героиней романтической истории, это ощущение ей нравилось. Решив не терять ни минуты, она мигом разложила мольберт и принялась за эскиз. Воспоминания о чарующем поместье Рональда так и просились на холст, облекшись в причудливые линии и тени.

В это время Рональд позвал своего посыльного и попросил найти дом Анны и доставить ей письмо.

Посыльный отправился выполнять просьбу Ричарда. Найдя дом Анны, он отворил калитку и направился к крыльцу. Поднявшись на террасу, постучал в стеклянную дверь. Анна подошла к двери и открыла ее. Перед ней стоял мужчина в дорогой белоснежной рубашке, строгом черном костюме и черных лакированных ботинках. На плечах его лежал длинный, черный сюртук.

— Добрый день, сударь, Вы что-то хотели?

— Добрый день, сударыня. Я ищу девушку по имени Анна Морель.

— Это я. А Вы кто?

— Меня зовут Генри, я от маркиза Рональда Андерсона. Он просил передать Вам это,
— и протянул ей тубус, отмеченный родовой печатью Андерсонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.